

ВАШ ВЫБОР?

Когда

кричать «браво»

Обыкновенный слушатель, если видит такую программу — увертюры к операм Вагнера, стремится в зал, как обыкновенный турист к Эйфелевой башне, Ниагарскому водопаду или к супу из акульих плавников.

Слушатель, чуть-чуть более знающий, стремится еще на оркестр Светланова, а без «чуть-чуть» — на Валерия Гергиева, главного дирижера Мариинки, который в Москве дал концерт с Государственным академическим симфоническим оркестром.

В результате всех этих стремлений зал переполнился гурманами, у которых слово «браво» периодически рвалось из груди.

В первом отделении вопреки программке начали с «Нюрнбергских мейстерзингеров». Эту увертюру играют часто, но удается она редко: оркестры обычно так заняты «укладыванием» больших звуковых «валунов» Вагнера, что им недосуг заниматься живописью, тонкими контрастами между солнечной, «дневной» музыкой бюргеров и лунной лирикой молодых героев. Зато прелюдия к III акту оперы прозвучала очень оригинально. Виолончели, которые во вступлении должны были изобразить философские размышления мудрого Ганса Сакса, сумели в унисон, как кисточкой, нарисовать целый портрет, описание которого заняло бы полстраницы, и неизбежно потом смодулируешь в высокую тему «Художник и народ». Но воспарить мыслью не дал последующий хорал валторн и фаготов.

Вторым номером была увертюра к «Летучему голландцу», которая в принципе у хорошего оркестра не может не иметь успеха. Дикая морская романтика остается дикой морской романтикой, и все манит, и все будоражит — 150 лет. Но В. Гергиев кое-что добавил к черным мачтам и багровым парусам, к вечным романтическим вопросам и душевным бурям. На сцене были зрелый ма-

стер и зрелый оркестр иного века, для которого странствия корабля-призрака — не более, чем театр, меркнувший перед ужасами нашей цивилизации. Финалом отделения была популярная увертюра к «Риенци», на которой все отдохнули, то есть все те, кто любит форте, два форте, три форте и т. д.

Антракт прошел с напряженным ожиданием невероятной мистики вступления к «Тристану и Изольде» и сцены смерти Изольды. Такие ожидания не оправдались. Из трех знаменитых слов «Монотония роскоши и возбуждения» присутствовало лишь первое, но красиво выглядели оркестровые линии, похожие на те, которые дирижер чертил в «Мейстерзингерах». Дальше — то же. «Полет валькирий» происходил на хромающих лошадях. Исправляла картину струнная группа: с хохотом, ветром, воем бури, треском копыт на облаках все было в полном порядке. И в миллионный раз подтвердилось, что публика обожает эту исполнительскую кавалькаду, невзирая на. (В данном случае — на медь).

Наконец, последняя увертюра к «Тангейзеру», которая запомнилась (помните правило разведчиков? — запоминается последнее слово) непривычным хоралом пилигримов. Лирическая, мягкая тема, полная терпения и приятия жизни! Она затмила все радости грота Венеры, которые на ее фоне превратились в более-менее пышные развлечения. Не два мира, как у Вагнера, а один мир, не две системы ценностей, а, безусловно, одна! И это опять не XIX век, а XX, «век-волкодав», в котором крыло голубки ценится дороже павлиньего хвоста.

И здесь я впервые не на красивых пассажах «Голландца», не на веселых маршах «Риенци» и не на безумных кликах валькирий кричу «браво!»

И. КОСМИНСКАЯ.